Археологические вести

— 32 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус

Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёшкина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)

First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)

Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)

Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Неровный горизонт: некоторые размышления об истории заселения памятников неолита и энеолита Южного Туркменистана

И. Хайт¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы интерпретации строительных горизонтов планиграфических раскопов многослойных поселений с глинобитной архитектурой неолита и энеолита Южного Туркменистана. Микростратиграфический анализ раннеэнеолитических слоев Монджуклы-депе показывает дифференцированную картину заселения памятника с постепенной сменой и разной длительностью использования жилищ. Свидетельства похожих процессов рассматриваются на других памятниках региона.

Annotation. This paper considers the interpretation of “building horizons” in large-scale horizontal excavations of multilayered settlements with mud-brick architecture of Neolithic and Aeneolithic of South Turkmenistan. The fine stratigraphic analysis of Early Aeneolithic layers at Monjukly Depe shows a differentiated picture of settlement history with a gradual replacement of structures and varying duration of dwellings. Similar processes can be traced at other sites in the region.

Ключевые слова: Центральная Азия, неолит, энеолит, стратиграфия, поселения-телли, глинобитная архитектура.

Keywords: Central Asia, Neolithic, Aeneolithic, stratigraphy, tell settlements, mud-brick architecture.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-145-156

Раскопки 1950–1970-х гг. в Южном Туркменистане, проводившиеся XIV отрядом Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции, а также ашхабадским Институтом истории, археологии и этнографии, имели не только внушительный размах, но и большое значение для изучения раннеземледельческих обществ неолита и энеолита как в Центральной Азии, так и за ее пределами. Раскопки многослойных поселений дали наглядное представление о глинобитной архитектуре и пространственной организации ранних поселков сельского типа различных хронологических периодов в предгорьях Копетдага. В общей сложности на 20 поселениях джейтунского времени — периода Намазга III (конец VII — начало III тыс. до н. э.) — помимо стратиграфических шурфов были заложены планиграфические

раскопы, в которых полностью исследовано как минимум одно строение. Суммарная площадь раскопов на этих памятниках составляла свыше 2 га. Для сравнения: столь широко раннеземледельческие поселения даже сейчас изучены лишь в единичных регионах Передней Азии, поэтому Южная Туркмения представляет ключевой интерес для анализа макроизменений в организации жилого пространства древних оседлых обществ.

Методика раскопок многослойных поселений-теллей широкими площадями, принятая в российской археологии советского периода, основывалась на важности изучения социоэкономических вопросов. Выявленные в «строительных горизонтах» постройки и их планировка использовались не только для палеодемографических подсчетов, но и для изучения социального строя, а также косвенно применялись для прочих палеоэкономических реконструкций обществ прошлого: продуктивности производящего хозяйства, трудовых затрат при строительстве

¹ Институт переднеазиатской археологии, Свободный университет Берлина; Фабекштрассе, д. 23–25, Берлин, 14197, Германия; e-mail: iliaheit@zedat.fu-berlin.de.

различных объектов и т. д. (Массон, 1971а; 1971б. С. 101–106). Помимо плюсов эта методика горизонтальных раскопок имела и свои минусы: временное соотношение отдельных структур и слоев относительно друг друга при широкомаштабных раскопках поселений, их документации и публикации нередко выпадало из поля зрения исследователей. Вопросы стратиграфии при этом подходе касались в первую очередь общей истории заселения памятника, для выяснения которой зачастую закладывался лишь один центральный стратиграфический шурф.

Раскопки культурных слоев энеолитического периода с 1980-х гг. на Алтын-депе (раскоп 5 — Массон, Кирчо, 2008. С. 28–48) и на Ыылгынлы-депе (раскоп 3 — Берёзкин, Соловьёва, 1998; Соловьёва, 2015) имели другой характер. Архитектура на стратиграфических раскопах вскрыта на меньшей площади, но имеет более высокое «стратиграфическое разрешение»: благодаря тщательной фиксации и документации слоев предоставлена более детальная информация о времени бытования, а также других составляющих жизненного цикла отдельных построек, таких как ремонт, оставление и разрушение помещения.

Эта более детальная стратиграфия процесса строительства и использования жилищ долговременных поселений-теллей заставляет задуматься о термине «строительный горизонт» и его использовании в планиграфическом и стратиграфическом исследовании культурных напластований с архитектурными останками. При описании стратиграфии шурфов раннеземледельческих поселений Копетдага (см. Бердыев, 1964), где из-за малой площади раскопок свита вскрытых слоев обычно содержит единичные здания в вертикальной последовательности, строительный горизонт имеет четкие границы: это полы и основания сырцовых стен перекрывающих друг друга построек многослойного памятника, то есть с временной точки зрения — период от строительства помещения до его разрушения и сооружения новой постройки на месте старой. Прямой перенос такой трактовки на планиграфию памятников проблематичен, так как он подразумевает одновременную постройку, пользование и оставление охваченных по площади строений одного строительного горизонта, что не обязательно отражает процесс обживания памятника. Этот вопрос, касающийся практики заселения памятника, требует

уточнения при изучении структур, вскрытых большими площадями.

В какой-то мере буквальная трактовка строительного горизонта при интерпретации планиграфии свойственна палеодемографическим реконструкциям, где одновременное использование жилищ одного строительного горизонта является предварительным условием для расчета населения того или иного памятника. Отчасти и сам многоплановый процесс обживания многослойных памятников сводится к нескольким крупным событиям массового оставления и строительства, при котором все здания возводились одновременно на выровненных остатках предшествующих домов. Такую «центральноазиатскую традицию» использования поселений-теллей постулируют, например, Хиберт и Курбансахатов (*Hiebert, Kurbansakhatov*, 2003. Р. 166–167), отчасти ссылаясь на планиграфию строительных горизонтов памятников региона.

Возобновленные раскопки 2010–2014 гг. на поселении Монджуклы-депе (*Looking Closely...*, 2019), находящемся в районе Меана-Чаача Туркменистана в юго-восточной части предгорий Копетдага, показывают несколько более дифференцированную картину истории обживания памятника эпохи раннего энеолита, происшедшего между 4650–4340 cal BC по результатам моделирования радиоуглеродных датировок (*Heit*, 2019). Памятник был изучен шестью раскопами различных размеров в центральной части, а также четырьмя шурфами, заложенными на окраине холма (*Bernbeck, Pollock*, 2016. Fig. 3). Слои центрального раскопа D, а также находящегося в нем заново раскопанного и задокументированного шурфа советских раскопок А. А. Марущенко (*Бердыев*, 1972. С. 11) легли в основу общей стратиграфии памятника, которая была разделена на 10 фаз (“stratum”) — хроностратиграфических макроединиц, на которые условно разбита история обживания поселения. К раннеэнеолитическому времени относятся строения четырех верхних фаз («стратумов»). Их границы составляют основания стен разновременных помещений из раскопа D — № 14, 10, 1. Корреляция слоев других раскопов с макростратиграфией памятника осуществлялась посредством как вертикального, так и горизонтального прослеживания отдельных контекстов и сравнения свиты напластований. Соответственно, чем дальше слои находятся

от центрального раскопа, тем более расплывчаты их корреляция.

Детальное изучение стратиграфии раннеэнеолитических фаз («стратумов») I–IV указывает на непрерывное (продолжавшееся) поселение. Каких-либо коренных переломов на стыке этих хроностратиграфических фаз или внутри них в виде массового оставления или заселения, разового сноса и возведения новых жилищ не наблюдается. Новые дома на Монджуклы-депе возводились рядом с уже существовавшими постройками. Некоторые из них были еще жилыми, другие, напротив, стояли в руинах, но еще не были полностью разрушены. Для такого смещенного во времени строительного процесса в археологии поселений-теллей применяется термин «спиральная стратиграфия» (*“spiral stratigraphy”* — Bar Yosef, 1986. Р. 159; Pollock et al., 2013. Р. 54). Это значит, с одной стороны, что на организацию архитектурного пространства в значительной степени влияла конфигурация предшествующих построек. С другой стороны, постройки, находящиеся на одном уровне, необязательно были сооружены или использовались одновременно. Неровная микропогода жилого пространства Монджуклы-депе обусловлена, главным образом, тремя факторами: длительностью обживания построек, различным использованием руин и выбором места для новых построек. Рассмотрим три этих фактора на конкретных примерах.

Варьирующая длительность использования домов. Некоторые дома пережили несколько этапов обживания, в то время как другие были довольно быстро оставлены (рис. 1). Детальный анализ жизненного цикла отдельных построек центральных раскопов В, С, D, в которых представлены все четыре фазы энеолитического поселения, приводит к следующим результатам: особенно долгую историю использования показывают помещения № 3, 4а и 4б, которые существовали с самого раннего периода энеолитического поселения. В нижнем «стратуме» IV помещение № 3 состояло из одной большой комнаты с очагом у юго-восточной стены. На этом уровне из помещений № 4б и 4а, примыкавших к помещению № 3 с юга-запада, до уровня первого пола было раскопано только помещение № 4б. На раннем этапе использования оно, судя по отделке стен и пола, было жилым. Все три помещения были одновременно покинуты, но, в отличие

Рис. 1. Схематическое изображение длительности использования отдельных домов и их руин раннеэнеолитических слоев Монджуклы-депе: а — использование домов; б — использование руин домов; в — гипотетическая ситуация в конце фазы III

Fig. 1. Schematic duration of the use of single houses and their ruins in Early Aeneolithic Monjukli Depe: а — use of houses; б — use of house ruins; в — hypothetical situation at the end of Stratum III

от соседних жилых помещений № 14 и 20, оставленных и разрушенных в конце фазы IV, эксплуатация помещений № 3, 4а и 4б возобновилась: через некоторое время они были перестроены (рис. 2) и длительно использовались в течение трех последующих фаз существования памятника (I–III) до самого конца жизни на поселении. При этом ранее жилое помещение № 3 было разделено на несколько отсеков и, скорее всего, служило для хозяйственных целей. Подсобный характер имело также помещение № 4б. Микроморфологические образцы натоптанных слоев внутри постройки (Cereda, in prep.) указывают на наличие навоза в этом узком помещении. Подквадратное в плане помещение № 4а, напротив, до конца использовалось в жилых целях и неоднократно ремонтировалось, о чем свидетельствует свита из минимум шести полов с красной обмазкой внутри помещения (Pollock, Bernbeck, 2019. Fig. 2, 31). Некоторые другие помещения, такие как

Рис. 2. Монджуклы-депе. Помещения № 3, 4а и 4б: а — стены, возведенные в фазе IV и используемые в фазах I–III; б — стены, возведенные и разрушенные в фазе IV; в — стены, возведенные в фазе III

Fig. 2. Monjukli Depe. Houses 3, 4a and 4b: a — walls built in Stratum IV and used in Strata I–III; b — walls built and destroyed in Stratum IV; c — walls built in Stratum III

помещения № 7 и 8 (фазы III и IV), 1 и 2 (I и II) использовались на протяжении двух фаз. Время использования других построек (№ 10, 18, 14, 17, 19, 20) укладывается в одну фазу существования поселения.

Разное обращение с руинами/остатками домов. В нескольких случаях произошло относительно быстрое разрушение дома, как в случае с помещением № 10, где, возможно, зафиксирован ритуал оставления в виде камней, разложенных на последнем полу дома, а также на поверхности двора у этого жилища, после чего вход в помещение был заблокирован и стены дома снесены (Egbers, 2019). Похожие действия в виде россыпи камней на полу имели место и в более раннем помещении № 14, которое было еще и сожжено (Kubelková, 2019). Руины других, уже нежилых, домов, напротив, оставались открытыми для различных видов деятельности. В руинах помещения № 3, временно покинутого перед выше описанной капитальной перестройкой, между юго-западной стеной и прилегающим к ней пилестром была сооружена конструкция наподобие

камина (Schönicke, 2019. Fig. 6, 3), интенсивно эксплуатировавшаяся, о чем свидетельствуют слои накопившейся под камином золы. Другое оставленное жителями и постепенно разрушавшееся помещение № 9 было в течение более длительного времени свалкой мусора, а также местом действий, связанных с использованием огня. Об этом свидетельствуют перемежающиеся слои золы и материалов разрушения стен, а также следы нескольких кострищ и мусорные ямы, находящиеся на разных уровнях заполнения помещения.

Примечательно, что при разрушении домов стены сохранялись на значительную высоту. Так, высота юго-западной стены помещения № 14 доходила до 1,8 м. Строительный завал не убирался, а оставлялся на месте: им засыпалось внутреннее пространство руин и участок непосредственно у внешней стороны стен дома, тем самым повышая поверхность заселенного холма и образуя его неровную планиграфию. Уровень древней дневной поверхности других незастроенных участков поселения со временем также поднимался за счет накопления культурных слоев, но при разрушении домов этот процесс проходил намного быстрее.

Выбор места для новой постройки. Этот фактор связан с вышеописанным процессом. Новые постройки, основанные на месте бывших домов, находились на более высоком уровне за счет разрушенных предыдущих зданий. В истории заселения монджуклинского холма прослеживаются индивидуальные линии развития, повлиявшие на микротопографию холма. В северо-западной части раскопа D заметна последовательность из трех домов — помещения № 20, 9 и 1, стены которых были построены на остатках стен предшествующих строений (рис. 3). Уровень фундамента последнего дома (№ 1), возведенного на свите слоев строительного завала, находился выше некоторых синхронных соседних участков.

Несколько иная история заселения прослежена для участка на северо-востоке раскопа. Во время фазы III там было возведено жилое помещение № 10, часть которого находилась на руинах помещения № 17 и 20, а другая часть его располагалась непосредственно на зольных слоях мусорной свалки к северу от этих домов. После разрушения помещения № 10 образовавшееся обширное незастроенное пространство было

ограждено дворовой стеной, а также сооружением в виде ворот и использовалось в качестве мусорной свалки. В мусорных напластованиях были также найдены крупные части костей животных, интерпретированные как остатки коммунальных пиршеств, проводившихся на Монджуклы-депе (Eger, 2019). Лишь в самом конце существования поселения это место было застроено новым помещением № 18. На этом участке раннеэнеолитические напластования также имеют сравнительно большую мощность.

В других частях поселения строительная деятельность была менее интенсивной, и, соответственно, накопление материалов разрушения менее объемным. Вскрытая на раскопе С свита слоев содержала архитектурные остатки двух домов (помещения № 7 и 8), возведенных в начале строительства поселения и через какое-то время разрушенных. Лишь на месте помещения № 8 в финальной фазе монджуклинского поселения было сооружено новое помещение, судя по остаткам пола и стен, зафиксированных немногим ниже современной поверхности холма. Соответственно, толщина энеолитических напластований (1,9 м — Pollock, Bernbeck, 2019. Fig. 2, 11) здесь значительно меньше, чем на описанном выше участке (минимум 2,9 м — *Ibid.* Fig. 2, 12).

История строительства на северо-западном участке раскопа В тоже небогата сменой построек: вышеупомянутые помещения № 3 и 4 здесь использовали с ранней энеолитической фазы до конца обживания поселения с некоторым перерывом в конце фазы IV, после чего произошла капитальная перестройка. Тут следует отметить, что в процессе ремонта уровни полов этих помещений были значительно подняты благодаря слоям строительного завала мощностью в 0,8–0,9 м.

Что можно сказать о потенциальной разновременности построек одного строительного горизонта и о проблемах при реконструкции количества жилых домов?

Из истории заселения Монджуклы-депе можно привести один наглядный пример, когда вскрытые постройки не отображают действительное количество жилых домов в одновременном использовании. Речь идет о гипотетическом моменте истории энеолитического поселка **в конце фазы III** или, другими словами, о ситуации на уровне одного яруса — 287,5–288,0 м

Рис. 3. Монджуклы-депе: *a* — стены помещения № 20; *b* — стены помещения 9; *c* — стены помещения № 1

Fig. 3. Monjukli Depe: *a* — walls of house 20; *b* — walls of house 9; *c* — walls of house 1

над уровнем моря. В это время (до постройки будущего помещения № 1 в северо-западной части раскопа D и начала фазы II) в части поселения, охваченной раскопами В, С и D, стояли стены помещения № 9, уже заброшенного, но еще не полностью разрушенного, в отличие от помещения № 10, возведенного примерно одновременно в начале фазы III на северо-востоке раскопа (рис. 4). К югу от руин помещения № 9 (юго-западная часть раскопа D и северо-западная часть раскопа В) находились три других помещения — № 3, 4b и 4a, построенные для жилых нужд еще в предыдущей фазе (IV), но только последнее из них оставалось жилым в рассматриваемый нами момент, остальные же использовались для хозяйственных целей. К востоку от этих домов стояли руинированные стены помещения № 8 предыдущей фазы IV. Соседнее помещение № 7, возведенное вместе с помещением № 8, на тот момент уже было полностью разрушено. Таким образом, из семи помещений, отмеченных на протяжении всей фазы III, к концу этого хроностратиграфического периода в жилом использовании находилось только одно. Две постройки использовались в иных целях, еще два дома стояли в руинах,

Рис. 4. Монджуклы-депе. План раскопов В, С и D. Гипотетическая ситуация в конце фазы III: *a* — дома в использовании; *b* — руины в использовании; *v* — полностью разрушенные дома; *z* — нераскопанные участки

Fig. 4. Monjukli Depe. Units B, C and D. Hypothetical situation at the end of Stratum III: *a* — houses in use; *b* — ruins in use; *v* — completely destroyed houses; *z* — unexcavated areas

а стены последних двух зданий были полностью погребены под слоями мусора и обломков кирпича-сырца. Жилые дома находились в это время, судя по всему, не в охваченных раскопами В, С и D центральной и восточной частях, а в других частях поселения.

Непрерывная застройка и постепенная смена старых зданий новыми, скорее всего, практиковались не только на Монджуклы-депе, но и на

других памятниках региона. Предпосылкой этих процессов является разная динамика строительства отдельных участков поселений, в результате чего складывалась неровная топография жилого пространства. Признаки такой динамики следует, с одной стороны, искать в помещениях с разной длительностью использования. С другой стороны, разная интенсивность «вертикальной» застройки отдельных участков влияет на микро топографию

холмов-поселений. Дома, возведенные на неразобранных остатках руин предшественников, не только указывают на постоянство поселения, но и в потенциале образуют более мощную свиту слоев. Соответственно, чем дольше длится обживание поселения, тем больше могут различаться уровни стен и полов одновременно построенных домов.

Если обратиться к неолитическому периоду, то налицо оба признака. При описании домов второго строительного горизонта, изученного на огромной площади раннеджейтунского поселения Джейтун, В. М. Массон (1971б. С. 15–26) указывает разные высоты, а также разное количество полов. Это, скорее всего, означает, что не все постройки были возведены и использовались синхронно. Нижележащие слои исследованы лишь фрагментарно небольшими раскопами и шурфами (Курбансахатов, Лоллекова, 1989; Берёзкин, 1992; Harris et al., 1996). Что интересно, на них выявлены последовательности нескольких домов, сооруженных строго друг на друге (например, дома А и В — Harris et al., 1996. Р. 429). Руины домов не только эпонимного поселения, но и других джейтунских памятников подобно монджуклинским домам после оставления «консервировались»: внутреннее пространство забутовывалось кирпичами или строительным материалом (Массон, 1971б. С. 100; Бердыев, 1966. С. 5). Аналогичные последовательности домов также зафиксированы в стратиграфических раскопах памятников среднеджейтунского периода Чопан-депе и Тоголок-депе (Бердыев, 1968. С. 9–13, рис. 1; 4).

Более развернутую картину истории неолитического заселения дает позднеджейтунское поселение Чагыллы-депе (Бердыев, 1966), на котором были планиграфически раскопаны второй и третий строительные горизонты. Если наложить планы построек этих горизонтов друг на друга, то отчетливо видны четыре здания, которые либо непрерывно использовались в обеих фазах поселения, либо представляли собой постройки, возведенные во втором горизонте практически точь-в-точь на стенах строений нижнего третьего горизонта (рис. 5). Жилое пространство вокруг этих домов, однако, со временем претерпело значительные структурные изменения, причем на местоположение и ориентировку новых жилищ этого плотно застроенного поселения влияли уже существующие и находящиеся в длительном

пользовании дома, к которым пристраивались новые здания.

Такое постоянство некоторых строений, наряду со значительными структурными изменениями в течение истории поселения, проявляется не только в памятниках, предшествующих монджуклинскому времени, но и на поселениях последующих периодов раннего и среднего энеолита (время Намазга I и II). Более длительное использование или пространственная последовательность здесь характерны для строений, отличающихся большими размерами или особенным интерьером здания. Как правило, для этих помещений постулируется культовый характер (Сарианиди, 1962; Хлопин, 1964. С. 76–79). Кроме «святилищ» в научный оборот введено и более нейтральное обозначение — «парадные помещения» (Берёзкин, Соловьёва, 1998). На поселении Йылгынлы-депе в раскопе № 3 вскрыта серия таких помещений времени Намазга II — помещения 38, 26, 14 и 18, возведенных строго друг на друге (Там же. С. 91–102, рис. 4–11). В то время как ориентация и внутренняя структура этих помещений оставались стабильными на протяжении четырех фаз поселения, прилегавший к ним с юго-востока участок неоднократно перестраивался, причем постройки на этом участке частично пристраивались позднее к стоящим уже парадным помещениям.

Параллельные процессы в истории заселения прослеживаются также на памятниках Геоксюрского оазиса в древней дельте р. Теджен. Так, на полностью раскопанном памятнике Дашлыджи-депе (Хлопин, 1960) времени Намазга I помещение № 1 нижнего третьего строительного горизонта продолжало использоваться в последующем втором горизонте (рис. 6), в то время как остальное пространство поселка было полностью переформировано. Казалось бы, тут имели место массовый снос старых строений и нивелировка строительной площади, но И. Н. Хлопин (1960. С. 144–145) приводит некоторые интересные детали вторичного использования стен ранних помещений № 2, 14, 17 и 18 при возведении новых структур, имевших иную форму и назначение, нежели их предшественники. На поселении Ялангач-депе (Хлопин, 1964. С. 19–24), где вскрыты два строительных горизонта времени Намазга II, перестройка жилого пространства имела более масштабный характер (рис. 7). Планировка поселка нижнего (второго) строительного

Рис. 5. Чагыллы-депе: *a* — план третьего строительного горизонта; *б* — план второго строительного горизонта (модифицировано по Бердыев, 1966. Рис. 1; 2)

Fig. 5. Chagylly Depe: *a* — plan of the third building horizon; *б* — plan of the second building horizon (modified after Бердыев, 1966. Рис. 1; 2)

Рис. 6. Дашлыджи-депе: а — план третьего строительного горизонта; б — план второго строительного горизонта (модифицировано по Хлопин, 1960. Рис. 6; 9)

Fig. 6. Dashlyji Depe: а — plan of the third building horizon; б — plan of the second building horizon (modified after Хлопин, 1960. Рис. 6; 9)

горизонта сначала состояла из двух частей: на северо-западе находился плотно застроенный комплекс одинаковых прямоугольных жилых помещений, в то время как на юго-востоке постройки были более рассредоточены и различались формами и размерами. В верхнем (первом) горизонте архитектурный облик памятника полностью преобразуется: возводится система обводных стен и круглых построек, которая перекрывала старые строения и окружала пространство вокруг большого прямоугольного помещения № 1 —

единственного здания, пережившего глубокие трансформации жилого пространства ялангачского поселения.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в заселении неолитических и энеолитических памятников на протяжении нескольких строительных горизонтов прослеживается пространственная преемственность. Вместо тотальной смены одних построек другими в течение короткого

Рис. 7. Ялангач-депе: *a* — план второго строительного горизонта; *б* — план первого строительного горизонта (модифицировано по Хлопин, 1964. Рис. 6; 9)

Fig. 7. Yalangach Depe: *a* — plan of the second building horizon; *b* — plan of the first building horizon (modified after Хлопин, 1964. Рис. 6; 9)

времени процесс протекал, скорее, постепенно: новые строения сосуществовали с постройками более раннего времени. Даже при значительных изменениях в пределах жизни одного поселения, как в случае Ялангач-депе, существовали структуры, бывшие в использовании длительное время и служившие топологическими ориентирами

для новостроек. При этом части поселения могли какое-то время стоять заброшенными, а культурные слои других участков накапливаться быстрее. Такую сложность процессов предшествующего обживания поселения и формирования памятника особенно следует учитывать при планиграфическом изучении многослойных поселений.

Бердыев, 1964 — Бердыев О. К. Стратиграфия Тоголок-депе в связи с расселением племен джейтунской культуры // СА. 1964. № 2. С. 271–276.

Бердыев, 1966 — Бердыев О. К. Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры // Материальная культура народов Средней

Азии и Казахстана / Отв. ред. Н. А. Кисляков, М. Г. Воробьева. М.: Наука, 1966. С. 3–28.

Бердыев, 1968 — Бердыев О. Изучение памятников эпохи неолита // КД. 1968. Вып. 1. С. 9–17.

Бердыев, 1972 — Бердыев О. К. Монджуклы-депе — многослойное поселение неолита и раннего

- энеолита в южном Туркменистане // КД. 1972. Вып. 4. С. 11–34.
- Берёзкин, 1992 — Берёзкин Ю. Е. Раскопки на поселении Джейтун в 1989–1991 гг. Предварительные результаты // Новые исследования на поселении Джейтун / Под ред. В. М. Массона. Ашгабат: Ылым, 1992 (Материалы ЮТАКЭ; Т. 4). С. 13–30.
- Берёзкин, Соловьёва, 1998 — Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.
- Курбансахатов, Лоллекова, 1989 — Курбансахатов К. К., Лоллекова О. Новые раскопки поселения Джейтун // Известия АН ТССР. Ашхабад: изд-во АН Туркменской ССР. 1989. № 3. С. 18–24.
- Массон, 1971a — Массон В. М. Метод палеоэкономического анализа в археологии // КСИА. 1971. Вып. 127: Памятники эпохи неолита и бронзы. С. 3–9.
- Массон, 1971b — Массон В. М. Поселение Джейтун. Проблемы становления производящей экономики. Л.: Наука, 1977 (МИА; № 180). 207 с.
- Массон, Кирчо, 2008 — Массон В. М., Кирчо Л. Б. Изучение энеолитических комплексов Алтын-депе // Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Техно-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации / Отв. ред. Ю. Е. Берёзкин. СПб.: Европейский Дом, 2008 (Труды ИИМК РАН; Т. XXVIII). С. 13–72.
- Сарианиди, 1962 — Сарианиди В. И. Культовые здания поселения анауской культуры // СА. 1962. № 1. С. 44–56.
- Соловьёва, 2015 — Соловьёва Н. Ф. Специализированная мастерская эпохи раннего энеолита в Каракумах // Записки ИИМК РАН. 2015. № 12. С. 76–89.
- Хлопин, 1960 — Хлопин И. Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана II / Под ред. М. Е. Массона. Ашхабад: изд-во АН Туркменской ССР, 1960 (Тр. ЮТАКЭ; Т. 10). С. 134–224.
- Хлопин, 1964 — Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита: Опыт исторического анализа. Л.: Наука, 1964. 172 с.
- Bar Yosef, 1986 — Bar-Yosef O. The Walls of Jericho: An Alternative Interpretation // Current Anthropology. 1986. Vol. 27, no. 2. Pp. 157–162.
- Bernbeck, Pollock, 2016 — Bernbeck R., Pollock S. Scalar Differences: Temporal Rhythms and Spatial Patterns at Monjukli Depe, Southern Turkmenistan // Antiquity. 2016. Vol. 349, no. 90. Pp. 64–80.
- Cereda, in prep. — Cereda S. All the Small Things: A Microstratigraphic Investigation of Earthen Deposits at the Site of Monjukli Depe // Living in the Village: Excavations at Monjukli Depe, 2010–2014 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck. Leiden: Sidestone, in preparation.
- Egbers, 2019 — Egbers V. The House as Process. A Biography of Building 10 in Monjukli Depe // Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Vol. 1 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt. Leiden: Sidestone, 2019. Pp. 107–132.
- Eger, 2019 — Eger J. Remains of the Feast Days? A Comparative Study of Faunal Remains from Aeneolithic Monjukli Depe // Ibid. Pp. 191–212.
- Harris et al., 1996 — Harris D. R., Gosden C., Charles M. P. Jeitun: Recent Excavations at an Early Neolithic Site in Southern Turkmenistan // Proceedings of the Prehistoric Society. 1996. Vol. 62. Pp. 423–442.
- Heit, 2019 — Heit I. Chronological Modeling for Monjukli Depe und the Kopet Dag Region // Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Vol. 1 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt. Leiden: Sidestone, 2019. Pp. 81–106.
- Hiebert, Kurbanakhmatov, 2003 — Hiebert F. T., Kurbanakhmatov K. A Central Asian Village at the Dawn of Civilization. Excavations at Anau, Turkmenistan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003 (University Museum Monograph; Vol. 116). 238 p.
- Kubelková, 2019 — Kubelková H. “Fire is a Good Servant but a Bad Master”: The Burnt House 14 at Monjukli Depe // Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Vol. 1 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt. Leiden: Sidestone, 2019. Pp. 133–162.
- Looking Closely..., 2019 — Looking Closely: Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2010–2014. Vol. 1 / Eds. S. Pollock, R. Bernbeck, B. Ögüt. Leiden: Sidestone, 2019. 495 p.
- Schönicke, 2019 — Schönicke J. The Fire Installations from Monjukli Depe // Ibid. Pp. 163–190.
- Pollock, Bernbeck, 2019 — Pollock S., Bernbeck R. Stratigraphy and Settlement Layout // Ibid. Pp. 33–80.
- Pollock et al., 2013 — Pollock S., Bernbeck R., Ögüt B., Daszkiewicz M., Eger J., Keßeler A., Rogasch J., Schönicke J., Sturm P., Teuwsen K. The Second Season of Excavations at Monjukli Depe, Turkmenistan, 2011 // AMIT. 2013. Vol. 45. Pp. 51–98.

Uneven Horizons: Some Considerations on the Settlement History of Neolithic and Aeneolithic Sites in Southern Turkmenistan

I. Heit²

Excavations at several Neolithic and Aeneolithic tell settlements, conducted in the 1950s–1960s in South Turkmenistan, provided extensive insights into the mud-brick architecture and spatial organization of the early village communities of the Kopet Dag foothills. In comparison, the settlement history of the pre-urban period had previously been investigated to a comparable extent in only a few other regions of Western Asia. The settlement research in Turkmenistan benefited from large-scale horizontal excavations, a methodology, that was favored by Soviet archaeologists' interests in socioeconomic issues. The houses and settlement layouts, grouped in "building horizons", served as data for paleodemographic estimations but also for studies on social relationships of past societies. However, these estimates presuppose that buildings levels represent single points in time. The "building horizons" were also partly understood literally by some researchers: The complex settlement history of these multiphase sites was reduced to a few major building events, in which all structures were erected in one step on the leveled remains of the preceding houses. The recent small-scale excavations at Monjukli Depe, however, show a more differentiated picture of the Early Aeneolithic settlement history: it is rather a "spiral stratigraphy" of houses built next to pre-existing structures, some of them still inhabited and others standing in ruins. This shows, on the one hand, that the organization of the built space was influenced to a great extent by preceding structures. On the other hand, buildings at similar elevations were not necessarily built or used at the same time. This recognition requires a new look at the settlement plans of the sites in the region. The uneven microtopography of the past built spaces in Monjukli Depe is caused primarily by three factors. 1. The houses were occupied for different lengths of time: some houses endured through several settlement phases, while the other were abandoned rather quickly. 2. The ruins of the houses were treated differently — in some cases, relatively quick destruction of the house followed, while other ruins stood open for various activities for a longer period of time, next to houses that continued to be inhabited. 3. Some spots in the settlement show sequences of multiple houses built above the ruins of their predecessors, while in other places there was no building activity after the destruction of a house. However, similar patterns can also be identified by the other settlements of the region. The houses of the second building horizon at the earlier Neolithic site of Jeitun show different elevations and varying thicknesses of the floors, which indicates that the structures were used for different periods of time. When comparing two superimposed building horizons of the Neolithic settlement of Chagyly Depe, three buildings can be identified that were either used continuously in two settlement phases or represent houses that were rebuilt directly on top of each other. In other portions of the settlement, however, there was more rapid change. In the time periods following the Aeneolithic occupation of Monjukli Depe (Namazga I and II), especially larger buildings have a longer use or "spatial fidelity" compared to other structures.

² Ilia Heit — Institut für Vorderasiatische Archäologie, Freie Universität Berlin, Fabeckstr. 23-25, 14195, Berlin; e-mail: iliaheit@zedat.fu-berlin.de